

Розовое и черное изъ моей жизни.

III ¹⁾.

Насталъ тотъ день, когда мечты отца окончательно рушились. Изъ куклы - барышни я обратилась въ человѣка и очутилась учительницей гимназіи въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ средней полосы Россіи.

Роднымъ и знакомымъ это казалось фантазіей. Какъ могла я бросить обезпеченную, праздную жизнь и избрать ту, которую стала вести? Въ глазахъ очень многихъ это было болѣе, чѣмъ странно.

Сколько ни уговаривалъ отца В. В. Никольскій (они были товарищами по преподаванію въ Александровскомъ лицее) позволить мнѣ учить, отецъ твердо стоялъ на своемъ. Тутъ были и самолюбіе, желаніе во что бы то ни стало содержать на свои средства семью, и дѣйствительная жалость къ тѣмъ, кто выступалъ публично—слишкомъ много онъ испыталъ самъ тяжелаго въ публичной дѣятельности,—ему хотѣлось по возможности оберечь отъ этого тяжелаго дочь.

Уже 3 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончила курсы, и я ни на шагъ не подвинулась въ своемъ стремленіи къ самостоятельной жизни.

Отецъ даже помѣшалъ нашимъ собраніямъ бывшихъ слушательницъ, происходившимъ у баронессы К., которая жила самостоятельно. Ему было такъ неприятно, когда я туда ѣздила; что я перестала, а безъ меня не пошло, такъ какъ въ нашемъ курсѣ мнѣ принадлежала иниціаторская роль.

Слѣдовательно, все въ моей жизни оставалось по-старому, и такъ, казалось, и останется.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

Осенью я поѣхала съ отцомъ на уѣздное земское собраніе, гдѣ онъ славился своими рѣчами, и я была почетной гостьей.

И вотъ случилось, что предсѣдатель управы сдѣлалъ мнѣ вопросъ, который меня изумилъ:

— Не хотите ли быть начальницей прогимназіи? У насъ вакансія.

Ничего подобнаго не приходило мнѣ раньше въ голову, но теперь я ухватилась за эту мысль, какъ за соломинку. Это былъ исходъ. И я не только вручила предсѣдателю прошеніе, но привязалась пространно мечтать о томъ, какъ устрою прогимназію. Чего только у меня тамъ не существовало. Образцовый порядокъ, удовлетвореніе всѣхъ интересовъ и потребностей ученицъ, включая горячіе завтраки.

Долго тянулось время до выборовъ. Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, баллотировка совершилась, и я не была выбрана. Не хватило одного голоса, какъ мнѣ писалъ этотъ самый предсѣдатель, испугавшійся отца и не поѣхавшій самъ на засѣданіе. Отецъ сказалъ ему, что этого не желаетъ. За то П. написалъ мнѣ прочувствованное письмо, доставившее не малую радость среди моего горя. Долго хранила я это письмо и много разъ его перечитывала.

Но за то у меня теперь какъ-то накипѣло по отношенію къ отцу. Я прощала ему его нежеланіе видѣть меня учительницей въ П., а теперь не могла простить.

— Не стану больше съ тобой жить,—сказала я ему.

— Живи, гдѣ хочешь, только не въ Д.,—это помѣшало бы мнѣ,—отвѣчалъ отецъ, повидимому, равнодушно.

Онъ считалъ, что помимо Д. у меня ничего не можетъ быть и, казалось, не придавалъ большого значенія ни своимъ словамъ, ни моимъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Это было въ августъ, и мы жили въ деревнѣ. Я велѣла запрячь лошадей въ 3 часа ночи, сама разбудила кучера и вернулась въ 11 вечера изъ М. съ тѣмъ, что я учительница въ В.

Отецъ и бабушка изумились,—моя поѣздка представилась имъ какимъ-то подвигомъ. И такъ все скоро.

Я ожидала бурю и негодованіе. Но нѣтъ. Женщина опять одержала побѣду надъ мужчиной! Отецъ отнесся къ моему поступку съ интересомъ. Тѣмъ не менѣе, всего чаще мнѣ казалось, что все это шутка и я никуда не уѣду.

Мы слишкомъ любили другъ друга, несмотря на различное отношеніе къ женскому вопросу. Мы были дружны и, когда

отецъ долго не возвращался вечеромъ домой, я всякій разъ ждала его, чтобъ знать, какъ онъ провелъ время, и услышать его рассказы. Я не могла спать, когда знала, что онъ не вернулся.

И потому, хотя мы теперь и разставались, я гораздо больше думала о нашей будущей жизни въ П., чѣмъ о В. Странно, что въ то время, когда прошедшее было отрѣзано навсегда, оно еще мерещилось въ будущемъ. Правда, что я разрывала съ прошедшимъ, которое было тяжело и насколько,—я поняла только позже, уже разорвавши. Долго не могла я рѣшиться съ нимъ порвать, но разлука была легче, чѣмъ я себѣ ее представляла. Впереди была жизнь, которой я такъ боялась въ дѣтствѣ, но она оказалась гораздо менѣе страшна, чѣмъ я это думала.

Почтовый поѣздъ, съ которымъ я ѣхала, приходитъ въ В. въ 3 часа ночи. Какъ это обыкновенно съ нашими путями сообщенія, отъ вокзала до города нѣсколько верстъ. Узнавъ въ буфетѣ, какая гостиница лучшая, я велѣла извозчику ѣхать туда.

Немного жутко показалось путешествовать въ кромѣшной темнотѣ и узнать въ гостиницѣ, что № нѣтъ.

— Вы, барышня, не безпокойтесь,—ласково замѣтилъ извозчикъ, у насъ еще „Европейская“ есть, тамъ безпремѣнно пустятъ.

Такъ и случилось. На прощанье извозчикъ, не попросивъ даже на чай, объявилъ, что его зовутъ „Чижикомъ“, и чтобъ я всегда ѣздила съ нимъ. Я никогда болѣе его не видѣла, такъ какъ въ в—ской жизни для меня не стало существовать извозчиковъ. Это была роскошь не по карману.

Первый разъ въ жизни очутилась я въ грязномъ № уѣздной гостиницы. Но мнѣ было не до окружавшей меня грязи—я соображала, что буду дѣлать утромъ и куда сначала отправлюсь. Рѣшила, что къ директору мужской гимназiи.

Молодой блондинъ нѣмецкаго типа принялъ меня вѣжливо и даже замѣтилъ, что обо мнѣ получены очень хорошія свѣдѣнія изъ округа. Тогда я еще не знала, какое магическое слово въ каждомъ провинціальномъ учебномъ заведенiи „округъ“. Попечитель и его помощникъ—величины недосыгаемыя и несоизмѣримыя.

А со мной вѣдь 1½ часа бесѣдовалъ помощникъ попечителя, и я говорила съ нимъ тогда безъ всякаго стѣсненія. Онъ зналъ, что меня забаллотировали въ Д., и сейчасъ же предложилъ теперешнее мѣсто.

— Вы были въ женской гимназiи? спросилъ директоръ.

— Нѣтъ, я думала, что мнѣ надо быть сначала у васъ.

— И вы ничего не слыхали о начальницѣ?

— Нѣтъ, ничего.

— У нея нѣсколько горячій характеръ,—сказалъ директоръ такъ, что передъ мной мелькнула фурія и вдругъ стало страшно, зачѣмъ я сюда пріѣхала, а не выбрала Р-скую гимназію, что мнѣ также предлагали. Тамъ было мѣсто надзирательницы и меньше уроковъ—это мнѣ не нравилось, а также подкупала близость В. къ М., гдѣ жили друзья дѣтства.

— Я поѣду съ вами и буду у васъ въ 2 часа,—объявилъ мнѣ директоръ.

Женская гимназія помѣщалась въ другомъ, болѣе глухомъ, краю города въ частномъ домѣ. Снаружи домъ былъ недурень, но когда мы вошли въ переднюю, меня поразилъ истертый донельзя мундиръ сторожа, а далѣе не менѣе облупившіеся полы въ залѣ и давно вѣрно потерявшія черныя цвѣтъ скамейки по стѣнамъ.

„Неужели это и есть первая гимназія въ округѣ, какъ любезно увѣрялъ меня помощникъ попечителя“. Каковы же прочія?

Дверь одного изъ классовъ отворилась, и въ залу вошла начальница. Наружность ея всего менѣе подходила къ такъ поразившей меня обстановкѣ гимназіи. Это была высокая и полная женщина лѣтъ 45, еще красивая, южнаго типа, въ костюмѣ, напоминавшемъ начальницу института.

Она взглянула на меня проницательно и спросила свысока, не подавая руки.

— Ваше первое мѣсто?

— Первое.

— Гдѣ вы учились?

Я сказала.

— Извѣстный ученый вашъ дядя, замѣтилъ директоръ, видимо желая меня ободрить.

— Это мой отецъ.

— Я вамъ предложу быть классной дамой, все также свысока продолжала начальница. Вы будете получать еще 100 р. въ годъ. Вы согласны?

Я наклонила голову.

— Вы должны безпрекословно повиноваться всѣмъ моимъ распоряженіямъ, объявила она рѣзко. У васъ будетъ свой классъ, но я буду посылать васъ дежурить въ другіе.

Она посмотрѣла на меня опять проницательно. Никто еще никогда не говорилъ со мной такимъ тономъ. Но что оставалось дѣлать? Ѣхать назадъ?

Я опустила голову.

Директоръ взглянулъ на меня съ сочувствіемъ. Они начали говорить о томъ, съ какого дня назначить мнѣ жалованье,.. а я все молчала.

Аудіенція была кончена. На этотъ разъ начальница любезно протянула мнѣ руку и спросила:

— Гдѣ вы остановились?

Я сказала.

— Тамъ дорого. Переѣзжайте ко мнѣ, я вамъ найду квартиру,—предложила она.

Хотя мнѣ это не улыбалось, я уложила свои вещи и перевезла ихъ въ гимназію. Въ тотъ же вечеръ Николай, сторожъ въ потертомъ мундирѣ, свелъ меня на квартиру, гдѣ жила моя предшественница.

То былъ постоянный дворъ въ двухъ шагахъ отъ гимназіи, гдѣ въ квартирѣ хозяевъ мнѣ отвели двѣ комнаты, почти пустыя. Стояло нѣсколько стульевъ, столъ, кровать. Комнаты вмѣстѣ съ обѣдомъ стоили 15 р. въ мѣсяць.

Это меня удивило пріятнымъ образомъ: я никогда еще не слыхала о существованіи подобныхъ цѣнъ. Истратить 15 р. на обѣдъ,—это я знала, но жить цѣлый мѣсяць на 15 руб. Я сообразила, что изъ моего жалованья 50 руб., можно будетъ половину откладывать, и—я поѣду въ Цюрихъ. Мнѣ казалось, что я внезапно приблизилась къ Цюриху.

Начальница объявила мнѣ, что я должна быть въ гимназіи въ 8 ч. утра. Мой страхъ проспять былъ такъ великъ, что я проснулась чуть ли не въ 5 и была готова задолго до 8-ми.

Когда я пришла въ гимназію, меня ласково встрѣтили учительницы, такія же молодыя, какъ я сама. Особенно понравилась мнѣ одна тоненькая и высокая блондинка Марія Семеновна. Ей было всего 18 лѣтъ, а на ея миловидномъ лицѣ уже лежала печать истощенія. Я, напротивъ, смотрѣла бодро—обезпеченная жизнь давала себя знать. Насъ, классныхъ дамъ и учительницъ, одновременно было шесть. Мы быстро сошлись—сближалъ общій страхъ.

— Вы родственница начальницы?—былъ тотъ вопросъ, который мнѣ задавали. А. А. обращалась со мной лучше, чѣмъ съ остальными, и между прочимъ, съ своей дѣйствительной племянницей, одной баронессой К. Понравилась ли ей моя манера себя держать, т.-е. подкупило то, что она не встрѣтила намека на сопротивленіе, но съ перваго жѣ дня она начала приглашать меня внизъ, въ свою квартиру, завтракать.

Завтраки эти представлялись мнѣ худшимъ изъ того, что

предстояло въ теченіе дня. Благодаря страху сказать что-нибудь лишнее было не до вѣды, а еще приходилось слѣдить за тѣмъ, что рассказывала начальница.

Постоянной темой служило то, какъ ужасно было въ гимназiи до ея правленія, распущено до того, что чуть ли не танцевали канканъ.

Новые же ея порядки очень скоро стали мнѣ вполне извѣстны.

Мы, такъ называемыя, классныя дамы не имѣли, напр., права сидѣть въ учительской, а могли входить туда только, чтобы взять журналъ, когда давали уроки, а въ дни дежурства по гимназiи, чтобы линевать книгу, въ которой преподаватели росписывались въ данныхъ урокахъ. Мы же сами дѣлали это всегда сразу, когда линевали. Уроки смѣнялись для насъ дежурствами въ классахъ, и въ это время нельзя было даже читать—это строго воспрещалось. Я возненавидѣла эти дежурства, особенно въ классѣ учителя французскаго языка, куда всего чаще посылала меня А. А. Учитель этотъ совсѣмъ не умѣлъ справляться съ ученицами, и онѣ немилосердно у него шумѣли. Вообще ученицы въ-ской гимназiи отличались своей бойкостью и даже называли себя американками. Порядокъ въ классѣ учителя французскаго языка водворялся только, когда я приходила, но учителю такое отношеніе ко мнѣ ученицъ не нравилось, и онѣ косо на меня смотрѣли. Это былъ очень несчастный учитель: языкъ онѣ зналъ прекрасно, а толку изъ его уроковъ не выходило никого; у него учились двѣ, три, остальные болтали другъ съ другомъ.

И когда я только могла, то ускользала отъ взоровъ начальницы и шла въ уютную комнатку, носившую громкое названіе „физическаго кабинета“, хотя никакихъ приборовъ не было, а лишь въ 12 ч. являлся нашъ самоваръ. Впрочемъ ускользнуть мнѣ удавалось очень рѣдко. Не успѣю я взять въ руки заранѣе приготовленную книжку журнала, какъ уже является посланная за мной начальницей учительница и впопыхахъ говоритъ:

— Что же вы, идите туда-то.

Откладывая книжку и иду, лишь съ удовольствіемъ вспоминая, что нашлась тутъ прежде одна такая учительница, которая сказала этой самой начальницѣ:

— Выдумала глупое дежурство, ну, сама и дежурь!
Учительницу эту тотчасъ же уволили за дерзости.

А я не только не говорила такихъ словъ, но боялась, напротивъ, что вдругъ А. А. на меня при всѣхъ закричитъ.

Что тогда произойдетъ?

Я не была увѣрена, что въ такомъ случаѣ сдержусь, и пропали тогда мои мечты о самостоятельной жизни. Придется разстаться съ гимназіей, и неужели возвращаться домой и сознаться въ своемъ безсиліи устроить новую жизнь.

И я молчала.

Было утомительно оставаться на вытяжкѣ съ 8 ч. утра до 3-хъ, и коробившее вначалѣ „я васъ отпускаю“, сказанное въ 2 часа, стало скоро доставлять удовольствіе.

Большая перемена продолжалась цѣлый часъ, и мы, классныя дамы, были обязаны оставаться все время съ ученицами—намъ не полагалось отдыха.

Но такъ какъ обойтись безъ отдыха въ теченіе 7 часовъ напряженной работы было невозможно, то въ 12 ч. толстый, небритый, грязный Николай, такъ называемый инспекторъ гимназіи, служившій сторожемъ съ ея основанія, читавшій наставленія не только ученицамъ, но и намъ, вносилъ въ физическій кабинетъ свой зеленый самоваръ, и начинался нашъ самозванный отдыхъ.

Тутъ молодость вступала въ свои права, и все остальное на свѣтѣ было забыто.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ служило подтрунивать надъ учительницей ариѳметики, маленькой, черненькой М. Она была дочерью одного зарѣчнаго священника, образъ жизни котораго мало чѣмъ отличался отъ какого-нибудь захудалаго сельскаго, и поражала своей неразвитостью во всемъ, что выходило изъ предѣловъ ариѳметики. Учила она недурно и страстно любила свое дѣло.

Всего чаще ее спрашивала:

— Какъ расселились люди послѣ потопа?

И она начинала рассказывать преданіе, которому безусловно вѣрила.

— Когда же можно прійти къ вамъ пить чай? перебивала ее бойкая учительница географіи, тоже дочь священника, но аристократа. С. не была классной дамой и отличалась развязностью, которой намъ не доставало.

— Приходите,—краснѣя отвѣчала М.

— А съ офицерами можно?

— Папенька говоритъ, что офицеровъ нельзя пускать,—сконфуженно шептала М., вѣрившая въ возможность такого визита.

Всѣ давно уже хохотали.

Иногда въ разгарѣ такого интереснаго времяпрепровожденія входила начальница. Мы вставали и вытягивались. Она съ презрѣніемъ оглядывала зеленый самоваръ на столѣ безъ ска-терти и холодно спрашивала:

— Кто дежурная?

Если дежурная оказывалась тутъ же, мы долго помнила это посѣщеніе, и на время переставали уходить изъ залы всѣ. Потомъ опять забывали и принимались за старое до новой нотаци.

Разъ случилось это и со мной и совершенно неожиданно.

Ко мнѣ на урокъ пріѣхалъ въ первый разъ директоръ и остался очень доволенъ тѣмъ, какъ я его давала.

Послѣ урока Николай пригласилъ меня внизъ. Начальница сидѣла, развалившись на креслѣ, и рѣзко, и властно говорила.

— Я бы хотѣла знать, какое право имѣетъ директоръ пріѣзжать только къ вамъ?

— Но, А. А.—возразила я тихо, что же я могла сдѣлать? Вѣдь это не отъ меня зависитъ.

— Я васъ попрошу слѣдующій разъ, что директоръ пріѣдетъ къ вамъ на урокъ, дать мнѣ немедленно знать, — приказала она все такъ же рѣзко.

— Очень хорошо,—отвѣчала я и хотѣла уйти. Но мнѣ пришлось выслушать еще длинное разсужденіе о томъ, какъ было распущено прежде (что я давно знала) и что теперь ничего подобнаго повториться не можетъ (а это я знала еще лучше).

Покорно и молча стояла я и слушала.

— Можете идти,—услыхала я, наконецъ, слова, преисполнившія меня радостью. Какъ извѣстно, въ милость начальницы я вошла съ перваго дня. А. А. даже увѣряла, что въ теченіе 12 лѣтъ своей службы еще не встрѣчала учительницы, которою была бы такъ довольна. Она пригласила меня давать уроки французскаго языка своей дочери, ученицѣ VII класса. Маша оказалась очень милой дѣвушкой, прекрасно училась, но не могу сказать, чтобы уроки эти доставляли мнѣ большое удовольствіе. Всякій лишній часъ, который мнѣ приходилось проводить въ квартирѣ начальницы, меня тяготилъ, и я мечтала лишь о томъ, чтобы вырваться.

Къ тому же я учила еще—готовила въ гимназію 10-ти-лѣтнюю дочь товарища прокурора по всѣмъ предметамъ. Иногда я съ трудомъ ворочала языкомъ, когда Оля меня о чемъ-ни-

будь спрашивала. Ея мать, нашедшая между нами родство, сердилась, что я не остаюсь пить чай. Но я спѣшила домой: надо было еще поправить тетрадки и приготовиться къ урокамъ. Рабочій день выросталъ въ 12 часовъ.

Оно было бы еще ничего, если бѣ приходилось жить въ другой обстановкѣ. Хотя черезъ 6 недѣль я и переѣхала съ постоялаго двора, гдѣ какъ ни мало бывала я дома, все же ни минуты не умолкалъ крикъ пьяныхъ и можно было видѣть изъ окна всевозможныя бытовыя сцены, а еще ко мнѣ являлась хозяйка бесѣдовать о своихъ странствованіяхъ по различнымъ монастырямъ. Но и на новой квартирѣ, болѣе приличной, было все же грязно, и одинаково хозяйка, на этотъ разъ портниха, приставала ко мнѣ съ своимъ обществомъ и считала себя мнѣ равной. Мнѣ стоило большого труда ее въ томъ разубѣдить и держаться отъ нея въ сторонѣ.

Самостоятельно жили только еще учительница русскаго языка С., посылавшая домой (я же, напротивъ, получала еще 25 р.) и баронесса К., пробывшая въ В. недолго. Эта жизнь казалась ей верхомъ ужаса, и она вернулась въ Петербургъ. Я же, напротивъ, чувствовала себя прекрасно и часто думала о томъ, какъ мало значить въ жизни человѣка матеріальная сторона. Полнаго счастья, конечно, не было — его могли дать мнѣ только занятія философіей; но теперь что были сломаны преграды, которыя казались мнѣ прежде непреодолимыми, грезилось порой, что наступитъ то время, когда осуществится моя мечта.

Наружная дверь въ избѣ, гдѣ я живу, распахнута (на дворѣ гуляютъ свиньи и корова, которая разъ сдѣлала визитъ прежнему жильцу—офицеру); комната полна дыма, мы сидимъ въ шубахъ и... смѣемся. Все казалось пустяками; и мыши, попадавшія въ умывальникъ, и клопы, о которыхъ мои хозяева (третьи) выражались: „это не наши, ихъ мальчишка принесли изъ гимназій, а наши другіе“.

Шкурный вопросъ царилъ всецѣло въ гимназической жизни—отдохнуть, поѣсть и по возможности избавиться отъ нотацій—вотъ къ чему сводились ежедневныя мечты.

Только М. жила интересами своего класса, и на этой почвѣ у нея происходили постоянныя стычки съ начальницей.

Существовало такое правило, что когда ученица получала изъ какого-нибудь предмета меньше 3-хъ, то она лишалась права брать книги изъ библіотеки. Это было одно изъ тѣхъ бессмысленныхъ правилъ, которыми кишѣла гимназическая

жизнь. И вотъ М. силилась доказать, что З--все же З, начальница стояла на томъ, что З—меньше З-хъ и осыпала притомъ М. градомъ обидныхъ словъ. Та плакала, покорялась, и въ слѣдующій разъ повторялась старая исторія.

— Ну, что вамъ за охота спорить,—убѣждали мы М. и убѣждали, конечно, тщетно.

Она воевала даже въ педагогическомъ совѣтѣ, когда мы, остальные, о чемъ бы ни шла рѣчь, оставались всегда безучастными.

Помню, что разъ М. предложила давать бесплатно добавочные уроки въ классѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, нельзя было пройти программу въ то число уроковъ, которое полагалось. Не директору было считать, что могутъ быть пробѣлы въ томъ, что освящено министерствомъ, и М. получила отказъ. Не ей было, понятно, разубѣдить директора въ его непоколебимомъ убѣжденіи.

Я такъ уставала отъ своего дня, что всего чаще занималась въ совѣтѣ тѣмъ, что спала. Сидѣвшая рядомъ со мной Марія Семеновна будила меня, когда директоръ обращался ко мнѣ съ стереотипнымъ вопросомъ:

— Что имѣете вы сказать о вашихъ ученицахъ?

Къ всеобщему удовольствію я никогда не имѣла ничего сказать и скоро опять засыпала.

Да и о чемъ было и говорить?

Какъ-то разъ моимъ ученицамъ вздумалось носить во время дежурства бантики (я ввела дежурство 6 лучшихъ ученицъ, что очень понравилось классу), и эта невинная затѣя была запрещена начальницей. С. попросила позволеніе устроить игры въ приготовительномъ классѣ, а начальница ее выбрала. Если бы мы вздумали что-нибудь предлагать въ совѣтѣ, то наша ежедневная жизнь стала бы еще тяжелѣе. И мы дружно молчали, зная, что не что иное, какъ рядовые, которымъ остается только покоряться своей участи пушечнаго мяса: мы были лишены всякой инициативы.

Когда кончалось засѣданіе педагогическаго совѣта, то шли пить чай ко мнѣ, такъ какъ я жила рядомъ съ гимназіей. Приглашались и нѣкоторые учителя—именно тройка рыжихъ. Воронье, также тройка, пара сѣрыхъ не принадлежали къ нашему кружку. А частные уроки назывались „птицами“. Кто не зналъ условнаго языка, не могъ понять, о чемъ шла рѣчь.

Какъ бывало весело чувствовать себя на свободѣ послѣ царившей въ засѣданіяхъ совѣта натянутости! Пили чай и пѣли

русскія пѣсни. Запѣвали братья М. С., гимназисты; одинъ изъ нихъ былъ даже регентомъ гимназическаго хора. Сама М. С. пѣла съ большимъ выраженіемъ, и во время этихъ пѣсенъ казалось, что воскресаетъ иная жизнь — то духовное, идеальное, чего была лишена наша дѣйствительная жизнь, скрашенная только дружбой.

Плохо сложилась жизнь М. С. Ея отецъ получалъ въ казначействѣ 40 р. въ мѣсяцъ, чего не могло хватать на воспитаніе 4-хъ братьевъ, и въ то время, какъ я жила въ В., заболѣла психически ея мать. Долго не понимали, въ чемъ ея болѣзнь, и страдали молча, пока не свезли ее въ губернской городъ. Всѣ заботы по дому лежали на М. С., которая давала уроки до поздней ночи и успѣвала еще обшивать братьевъ. Она никогда не обѣдала, питалась въ гимназіи пирожками; когда же бывала больна, вышибала клинъ клиномъ, т.-е. не обращала никакого вниманія на свое недомоганіе. Къ 30 годамъ она была совсѣмъ больна, и ей пришлось тогда долго и серьезно лѣчиться.

— Что вы такое нашли въ М. С. Мѣщанка, какъ и другія, — съ насмѣшкой говорила мнѣ начальница, назначая М. С. на дежурство чаще, чѣмъ другихъ.

Я молчала и, когда могла, дежурила за нее.

Мы очутились разъ на актѣ настоящими рядовыми. Увидѣвъ покрытый краснымъ сукномъ столъ, я подошла къ нему, чтобы сѣсть.

— Помилуй, нельзя, — остановила меня М. С.

— Неужели все время стоять? — спросила я.

— Конечно, — отвѣчала она.

Не знаю, зачѣмъ это было нужно, но намъ пришлось пробыть на ногахъ чуть ли не 6 часовъ сряду, усмиряя ученицъ, явившихся спозаранку, и ожидая важныхъ лицъ, которыя всегда и вездѣ опаздываютъ.

Помню, какъ мнѣ было совѣстно взглянуть на знакомыхъ мнѣ дамъ, которыхъ я встрѣчала у товарища прокурора, и сознавать все разстояніе, которое насъ отдѣляетъ.

Еще непріятнѣе, пожалуй, были наѣзды окружнаго начальства. Задолго до такого событія А. А. читала намъ наставленія, какъ надо себя держать: во-1-хъ, быть въ форменныхъ платьяхъ, хотя и въ обыкновенное время мы ихъ носили; во-2-хъ, говорить „Ваше Превосходительство“; въ-3-хъ, не садиться безъ разрѣшенія.

Когда пріѣхалъ помощникъ попечителя, то, взглянувъ на меня, сказалъ:

— Мы, кажется, съ вами знакомы.

Теперь, когда я испила всю чашу подчиненія, то могла только промолчать на это „кажется“.

Въ каждый пріѣздъ меня хвалили и каждый разъ прибавляли уроковъ. Новый помощникъ попечителя даже не повѣрилъ, что попалъ ко мнѣ во II классъ—такъ удачно отвѣчали ученицы, которыя не смутились и были увѣрены въ своихъ познаніяхъ.

Учитель французскаго языка былъ уже давно моимъ врагомъ и ревностно придирался къ ученицамъ на экзаменахъ. Но съ помощью директора ученицы переходили съ хорошими баллами, такъ какъ ихъ заслуживали.

Трудная и неблагоприятная задача учить иностраннымъ языкомъ дѣтей, никогда не слыхавшихъ на этихъ языкахъ живого слова. Мнѣ приходилось употреблять страшныя усилія, чтобы добиться мало-мальски сносныхъ результатовъ. Я, впрочемъ, могла разнообразить свои пріемы, какъ хотѣла—въ классѣ мы оставались полными хозяевами, и никто не вмѣшивался въ дѣло преподаванія.

Но пройти программу было почти невозможно: она не соответствовала уѣздной дѣйствительности и была рассчитана на совсѣмъ иныхъ ученицъ.

Въ одинъ прекрасный день я составила записку о томъ, какъ слѣдуетъ вести преподаваніе новыхъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ. Записку эту я послала не директору, а предсѣдателю попечительнаго совѣта, уѣздному предводителю. Мнѣ думалось, что онъ скорѣе пойметъ и поможетъ ее провести.

Онъ тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ, но записку положилъ подъ сукно, гдѣ она лежитъ до сихъ поръ.

Я предлагала сдѣлать преподаваніе новыхъ языковъ предметнымъ и раздѣлить ученицъ на 3 группы сообразно съ ихъ познаніями. Въ каждомъ классѣ попадались ученицы, владѣвшія языками, при чемъ уровень ихъ знаній не имѣлъ ничего общаго съ прочими ученицами того же класса. По моему плану, каждой группѣ давался одинъ урокъ въ день—такимъ образомъ увеличивалось число уроковъ для каждой отдѣльно ученицы и сокращалось общее число ихъ. Насколько должны были увеличиться успѣхи, настолько же уменьшиться расходы гимназіи по преподаванію новыхъ языковъ. Языки были у насъ къ тому же необязательны.

Но не уѣздной гимназiи было брать на себя инициативу подобной реформы. Никому въ гимназiи я не говорила о своей запискѣ и сама скоро о ней забыла.

Я проводила во второй разъ Рождество въ П., когда получила телеграмму директора: „Вы исправляете должность начальницы, возвращайтесь къ 7 января“.

Пошли перемѣны. Сначала уѣхала начальница, потомъ получилъ новое назначенiе директоръ. Подтянутая А. А. гимназiя быстро распустилась. Меня считали дѣвочкой, и никто не слушалъ. Положенiе мое бывало часто трагически-комическимъ.

— Кого вамъ угодно?—спрашивала я посѣтителей.

— Начальницу.

— Я исправляю должность.

Меня оглядывали съ изумленiемъ и любопытствомъ. Учителя проводили полчаса въ учительской, вполне увѣренные въ томъ, что я даже не посмѣю это замѣтить. Письмоводитель совсѣмъ не ходилъ, и мнѣ приходилось самой писать всѣ бумаги, чему къ счастью научила меня А. А.

Хорошо относился лишь попечительный совѣтъ. Мнѣ было объявлено, что я пользуюсь всѣми правами начальницы, и, по моей просьбѣ, даже опредѣлили одну прежнюю учительницу, которую въ минуту гнѣва почему-то уволила А. А. Жалованье я получала то же, что и начальница.

Это „исправленiе“ продолжалось 3 мѣсяца. Сначала показывала я гимназiю новому директору, старичку, прослужившему долгие годы инспекторомъ. Этотъ директоръ не позволялъ себѣ обращаться съ учителями такъ, какъ прежній, бывший учтивымъ только съ учительницами.

Какимъ радостнымъ показался громкiй звонокъ, раздавшiйся во время одного изъ моихъ уроковъ. Это прiѣхала новая начальница. Николай пришелъ пригласить меня внизъ.

Я увидѣла молодую еще женщину, которая сразу мнѣ понравилась своей живостью и прiятной наружностью. Мы оставались съ ней близки все время, что я пробыла въ В.

Вдова директора гимназiи и сама учительница—она поставила себя съ нами на товарищескую ногу и сдѣлала визиты всѣмъ учительницамъ. Случалось ей, впрочемъ, сердиться на М., которая по-прежнему приставала съ вопросами и хотѣла настоять на своемъ. Съ прочими она вела себя очень мило и сразу поняла, что ладить будетъ не трудно. Мой вопросъ — „можно ли приходиться къ урокамъ?“ очень ее удивилъ.

— Конечно, къ урокамъ, кромѣ одной дежурной.

Я предложила имѣть особыхъ надзирательницъ, пусть учительницы и лишились благодаря этому 100 р. въ годъ. Это небольшое вознагражденіе ложилось бременемъ и на ученицъ, такъ какъ было немыслимо давать много уроковъ и смотрѣть одновременно за порядкомъ. За 600 руб. можно было имѣть двухъ лицъ, которыя посвятили бы себя порядку. Мы, такъ называемыя, классныя дамы обратились въ учительницъ. Теперь мы не только засѣдали въ учительской, но тамъ смѣялись и даже надъ директоромъ.

— Что новаго привезла начальница изъ М.? — разъ спросилъ онъ меня, такъ называемую имъ инспекторшу.

— Не знаю, я еще не успѣла съ ней поговорить, — отвѣчала я, думая, что онъ спрашиваетъ о новостяхъ изъ округа.

— Да нѣтъ же, — улыбнулся онъ въ отвѣтъ на мою осторожность, я спрашиваю о новыхъ модахъ.

Дамскія моды составляли ахиллесову пяту директора. Когда онъ прїѣзжалъ къ намъ, то остроумная начальница придумывала такую потѣху — мы приносили въ учительскую свои шляпы, и Ф. С. подробно ихъ разсматривалъ.

-- Ужасная теперь мода, — объявлялъ онъ вполнѣ серьезно къ всеобщему нашему удовольствію.

Директоръ былъ вдовцомъ и вспомнилъ въ одинъ прекрасный день, что вдова и начальница.

— Ф. С. не позволяетъ намъ больше ходить къ нему, — объявила она мнѣ разъ со смѣхомъ. — Прїдется посылать Николая. — Онъ говоритъ, что это неприлично и его компрометируетъ. Его, а не меня!

Гуляя, мы съ начальницей имѣли обыкновеніе заходить въ мужскую гимназію, когда было нужно, что-нибудь узнать или сообщить директору.

Съ прїѣздомъ Д. Е. моя жизнь преобразилась. Уже не говоря объ ежедневныхъ прогулкахъ по окончаніи уроковъ, у насъ устраивались всякія удовольствія, всего чаще пикники. Мы ѣздили къ окрестнымъ помѣщикамъ, брали ложи на концерты и представленія заѣзжихъ труппъ. Я бывала иногда и въ офицерскомъ собраніи на танцевальныхъ вечерахъ, гдѣ танцевали въ шерстяныхъ платьяхъ. Это казалось мнѣ необычнымъ, но я веселилась отъ души.

Но что случилось съ моими мечтами о Цюрихѣ? У меня уже было нѣсколько сотъ рублей. Порой бралась я за Канта, хотя Канту находилось мало мѣста въ моей теперешней жизни. Какъ удивился разъ мой врагъ — учитель французскаго языка, уви-

давъ у меня на столѣ „Критику чистаго разума“ на нѣмецкомъ языкѣ.

Кантъ и учительница младшихъ классовъ уѣздной гимназіи не вязались въ его головѣ. Да впрочемъ я и сама тщательно скрывала Канта, какъ когда-то мое сокровище—программу. Мнѣ хотѣлось быть какъ всѣ.

Когда я пріѣхала впервые на Рождество домой, то почувствовала, что мой домъ въ В., въ той душной и грязной избѣ, гдѣ протекала моя новая жизнь. Никто изъ домашнихъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мой пріѣздъ, какъ будто я не уѣзжала. Ни о чемъ не спрашивали, ничѣмъ не интересовались.

Я почувствовала это глубоко и еще болѣе, вернувшись, привязалась къ тѣмъ, которые такъ просто и сердечно ко мнѣ относились и никогда не рылись въ моемъ прошломъ. Я цѣнила эту деликатность и платила, чѣмъ могла.

Первую зиму намъ приходилось иногда ждать жалованье по 3 мѣсяца, и я никогда не отказывалась итти напомнить объ этомъ А. А.

— Что дѣлать,—сказала она разъ. Знаете что, я пошлю телеграмму губернатору, что вы всѣ отказываетесь ходить въ гимназію до уплаты вамъ того, что городъ все не отдаетъ.

Одна мысль о томъ, что мы можемъ отъ чего-нибудь отказаться, казалась забавной, но телеграмма произвела впечатлѣніе. Губернаторъ телеграфировалъ, въ свою очередь, городскому головѣ, и черезъ день деньги были присланы.

Какъ младшія М. С. и я давали уроки вмѣсто отсутствовавшихъ и безъ всякаго вознагражденія. Мнѣ часто приходилось учить въ старшихъ классахъ.

Въ теченіе 3-й зимы ко мнѣ пріѣхалъ отецъ, которому нужно было что-то изслѣдовать въ В. Онъ у меня остановился. Не мало безпокоилась я о томъ, какъ ему все покажется.

— Какъ ты спалъ? диванъ плохъ?—спросила я на слѣдующее утро, зная, какъ много онъ требуетъ дома.

— Отлично спалъ, такъ ли еще приходится въ путешествіяхъ, отвѣчалъ онъ.

Находилъ все прекраснымъ, находилъ, что мнѣ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ было дома. Былъ любезенъ съ моими пріятельницами, какъ прекрасно умѣлъ это въ дамскомъ обществѣ и долго посылалъ онъ имъ еще въ письмахъ поклоны. Умѣлъ онъ быть простымъ, и я гордилась въ душѣ тѣмъ, что молчала о своемъ отцѣ—мнѣ хотѣлось быть самой по себѣ, а не дочерью. Это было самолюбіе, заслуги въ этомъ не заключалось никакой.

Случалось, что я сравнивала себя мысленно съ рысакомъ. Долгіе годы стоялъ онъ безъ дѣла, а теперь... пахалъ. Когда утромъ я спѣшила въ гимназію, меня пугало однообразіе предстоящаго дня. Верхомъ ужаса представлялось мнѣ, когда я подмѣчала за собой, что говорю готовыми фразами. Тогда я сравнивала себя съ шарманкой: возьмешься за ручку, и она наигрываетъ извѣстное. Человѣкъ обращался въ машину.

Ученицы меня любили, несмотря на то, что я была строга и почти никогда не ставила 5. За то не было у меня балла ниже 3-хъ и, если отвѣчали плохо, то я переспрашивала до тѣхъ поръ, пока добивалась 3-хъ. Ихъ любовь обнаруживалась въ томъ, что для меня заводили особыя чернильницы и ручки—знаки обожанія гимназистокъ, и еще раскладывали на учительскомъ столѣ картинки съ конфетокъ. Не разъ просила я о закрытіи такъ называемой мной парижской выставки.

Было неприятно, когда изъ подражанія стригли волосы (на третью весну я заболѣла оспой, и мнѣ пришлось остричься).

— Что случилось съ вами? — строго спрашивала я въ такихъ случаяхъ.

— У меня болѣла голова, слѣдовалъ стереотипный отвѣтъ.

Если я подружилась съ М. С., а потомъ сошлась еще съ Д. Е., то всего ближе была я, пожалуй, съ одной бывшей гимназисткой, которая въ теченіе перваго года моего пребыванія въ В. дѣлала мнѣ реверансы, въ теченіе третьяго вышла замужъ за офицера, жившаго у тѣхъ же самыхъ хозяевъ, что и я, и звала меня крестить.

Мы какъ-то разъ катались на ея лошади по Московской, когда я замѣтила:

— Я послала вчера прошеніе въ Ж-скую прогимназію: тамъ вакансія начальницы.

— И ты уѣдешь отъ насъ,—въ отчаяніи воскликнула она.

— Не думаю, чтобъ это случилось, по всей вѣроятности, меня не выберутъ.

Уже нѣсколько разъ увѣдомляли меня изъ округа, какія есть вакансіи, но я какъ-то все не могла рѣшиться написать прошеніе. Теперь подошла такая минута, что мнѣ захотѣлось болѣе широкой дѣятельности.

Вскорѣ я узнала, что въ Ж. происходили выборы и изъ 20 кандидатокъ выбрали не меня, и особенно объ этомъ не жалѣла.

Пріѣзжаю лѣтомъ въ округъ.

— Вы начальница Ж-ской Маринской женской прогимназіи, объявляетъ мнѣ правитель канцеляріи.

Я не повѣрила и улыбнулась.

— Это не шутка. 29-го іюня васъ выбрали, а 8-го іюля вы утверждены у насъ.

Если мое самолюбіе и было польщено, меня охватилъ ужасъ при мысли о разлукѣ съ своими. Въ В. было все родное, теперь предстояло ѣхать къ чужимъ.

— Надо же когда нибудь разстаться,—утѣшала меня М. С.

Но это казалось мнѣ очень плохимъ утѣшеніемъ. Отказаться отъ повышенія было трудно,—это показалось бы страннымъ. А моимъ идеаломъ по-прежнему оставалось—быть, какъ всѣ.

Я сидѣла въ вагонѣ и плакала горькими слезами, въ то время, какъ поѣздъ медленно тащился. И чѣмъ дальше я ѣхала, тѣмъ все больше плакала.

Кругомъ становилось все темнѣе—глухіе, какъ будто непроходимые совсѣмъ лѣса, когда-то славившіеся своими разбойниками — все мрачныя, серьезныя сосны. Нѣтъ, грустно и страшно.

М. Безобразова.

